

Б. В. ТЕХОВ

**ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОДТВЕРЖДЕНИИ
ОДНОГО СООБЩЕНИЯ ГЕРОДОТА
НА БРОНЗОВОМ ПОЯСЕ ИЗ ТЛИ**

В богатых погребальных комплексах известного Тлийского могильника, что на южном склоне Большого Кавказа, в горной зоне Джавской администрации Республики Южная Осетия, наличествуют разнообразные предметы вооружения, домашней утвари, украшения и костюма. Особо выделяются гравированные пояса из листовой бронзы, составляющие многочисленную группу предметов, содержащих различные узоры, бытовые и охотничьи сцены, рассказывающие о мышлении и миропонимании их создателей в течение веков.

Пояса эти представляют собой бронзовую летопись населения, не имевшего еще письменности, но выразительно передававшего фауну и флору Кавказа на бронзовых топорах, поясных пряжках, диадемах, браслетах, а еще выразительнее – на бронзовых поясах, содержащих интересные сюжетно-композиционные сцены и орнаментальные мотивы, одни из которых, при всех обстоятельствах, порою остаются загадочными для исследователя.

Из имеющейся группы бронзовых поясов первой половины I тысячелетия до н.э. мы выделяем пояс из комплекса погребения № 76, выявленный в 1960 г. и сохранившийся сравнительно лучше других экземпляров (табл. I и II). Он публиковался ранее как нами (Техов, 1961; 1964; 1971; 1977; 1999; 2001), так и другими исследователями археологии Кавказа (Кузнецов, 1974; Хидашели, 1982; Урушадзе, 1984; Дударев, 1989; Вайман, 1996; Погребова, Раевский, 1997) и скифской культуры вообще.

Пояс, шириной 10 и длиной 104 см, помещался на костяках не совсем по правилам. Почему-то изображения на нем оказались вверх ногами, что, видимо, свидетельствует о его принадлежности нижнему погребенному; при последующем же захоронении на данном определенном участке поясом был охвачен и костяк верхнего погребенного. Захоронения не были одновременными, так как помещались друг на друге, при одновременном же захоронении они должны были лежать рядом. Хронологический разрыв между двумя захо-

ронениями определяется в пределах одного столетия, т.е. нижнее захоронение может быть датировано VIII в. до н.э., а верхнее – VII в. до н.э. или же концом VIII и первой половиной VII в. до н.э.

Поверхность пояса украшена сюжетными композициями настолько совершенными, что приходится думать о предварительном изготовлении трафарета в воображении художника-гравера, затем переданного на поверхности бронзового листа, вырезанного заранее.

По верхнему и нижнему краям пояс обрамлен двумя орнаментальными фризами, состоящими из косых штрихов и маленьких полуовальных фигур, напоминающих форму закавказской бронзовой секиры, принимаемых некоторыми исследователями за театральные маски [ЧЕТИТЫ, 1989, с. 130], чему очень трудно поверить. Эти фигуры расставлены по прямой линии, они все почти одного размера. Часть этих фигур заполнена мелкими точками, а другая – короткими штрихами, расставленными вслед первым. На концах пояса просверлено по одному круглому отверстию, которыми он стягивался в области живота (на пояснице). Поблизости от отверстия помещены изображения птиц – куропаток, расположенных в три яруса. Такие же фигуры птиц имеются между основными изображениями, размещенными по центральной полосе внутри орнаментальных фризов. Некоторые птичьи фигуры помещены прямо на животных, другие – под ними, две птицы головами направлены в противоположные стороны (между горным козлом и лучником). Изображенные на концах пояса птичьи фигуры расположены так, что при их стягивании эти изображения оказывались друг против друга.

За птицами на поясе изображено животное, по-видимому, осел, с открытой пастью и торчащей из нее травой. Уши приподняты вверх, на шее прочерчена узкая ленточка, заполненная елочным узором, нога, шея и голова содержат орнамент из мелких точек. На передней и задней частях туловища изображены Солнце и другие светила, а средняя украшена маленькими, заполненными точечным узором треугольниками. Хвост животного оканчивается стреловидным треугольником, ноги без копыт, т.е. когтистые (табл. I, рис. 1).

На другом конце пояса такое же изображение осла с солярным знаком между ногами и птичьим изображением на шее (табл. II, рис. 13). За ослом следует олень, между четырьмя ногами которого изображена птица. Туловище оленя, как и у осла, украшено солнечным диском и изображениями других небесных светил. Хвост у оленя короткий, рога ветвистые, ноги с четко выраженными копытами. Голова зверя приподнята, к кончику морды поднялась извивающаяся змея (табл. I, рис. 2). За оленем художник поместил фигуру козла с высокими крюкообразными рогами.

Туловище животного украшено теми же узорами, что и у других фигур. В шею козла вонзилась стрела, что намекает на охотничий характер композиционной сцены. Над крупом животного имеется двойной кружок из точек с крестовидно вписанными точечными линиями. Нет сомнения в том, что перед нами изображение солярного знака. Далее за козлом художник изобразил птиц, одну над другой, направленных в противоположные стороны. За птицами помещено по одному солярному знаку, охваченному двойными точечными кружочками (табл. I, рис. 3-5).

Значительное пространство занимает схематическое изображение человека с треугольным ртом, маленькой бородкой и короткими волосами, отмеченными маленькими штрихами. Фигура опоясана и, видимо, одета в панцирь. Правой рукой держит лук и стрелу сложной конструкции, а левой – берет стрелу из специального кармана для стрел, прикрепленного к колчану для лука, привязанному к плечу (табл. I, рис. 6). Ниже пояса на фигуре прочерчены параллельные точечные линии, от кончиков которых до колен направлены крестовидно пересекающиеся двойные точечные параллельные линии. На правом бедре изображения отмечен обнаженный фаллос. Ноги босые, по обе стороны лодыжек простирано по одной круглой точке, которые должны свидетельствовать о перевязке верхней части обуви. Видимо, перехвачены верхние края полусапожек, но стопы у изображения переданы обнаженными.

За колчаном и стрелами, опущенными наконечниками вниз в карманчик, изображен бык, туловище которого имеет такую же форму и орнаментацию, что и фигуры других животных. Разница только в том, что у быка лировидные рога, большие торчащие уши и длинный пушистый хвост. Над шеей животного помещены фигуры двух птиц, хватающих друг у друга рыбку, а третья птичья фигура, с повернутой назад головой, оказалась под мордой, у левой передней ноги животного. Под туловищем быка, между передними и задними ногами, помещен окруженный двумя точечными кружочками солярный знак, а над хвостом и за ним – два креста, также являющиеся солярными знаками (табл. I, рис. 7). Эти изображения, как в данном конкретном случае, так и на других предметах, связаны с Солнцем, т.е. в конечном итоге с культом плодородия.

За фигурой быка следует изображение оленя, повторяющее первое, только без змеи, поднимающейся к морде животного. Под туловищем быка, между передними и задними ногами, помещен крест, а над крупом – солярный знак, охваченный двойными точечными кружочками (табл. II, рис. 8).

Весьма выразительно изображение кабана. У него правильно выраженные ноги с копытами, длинное рыло, приподнятые заостренные уши, большие, сильно выступающие клыки и щетина по всему хребту.

Таблица I

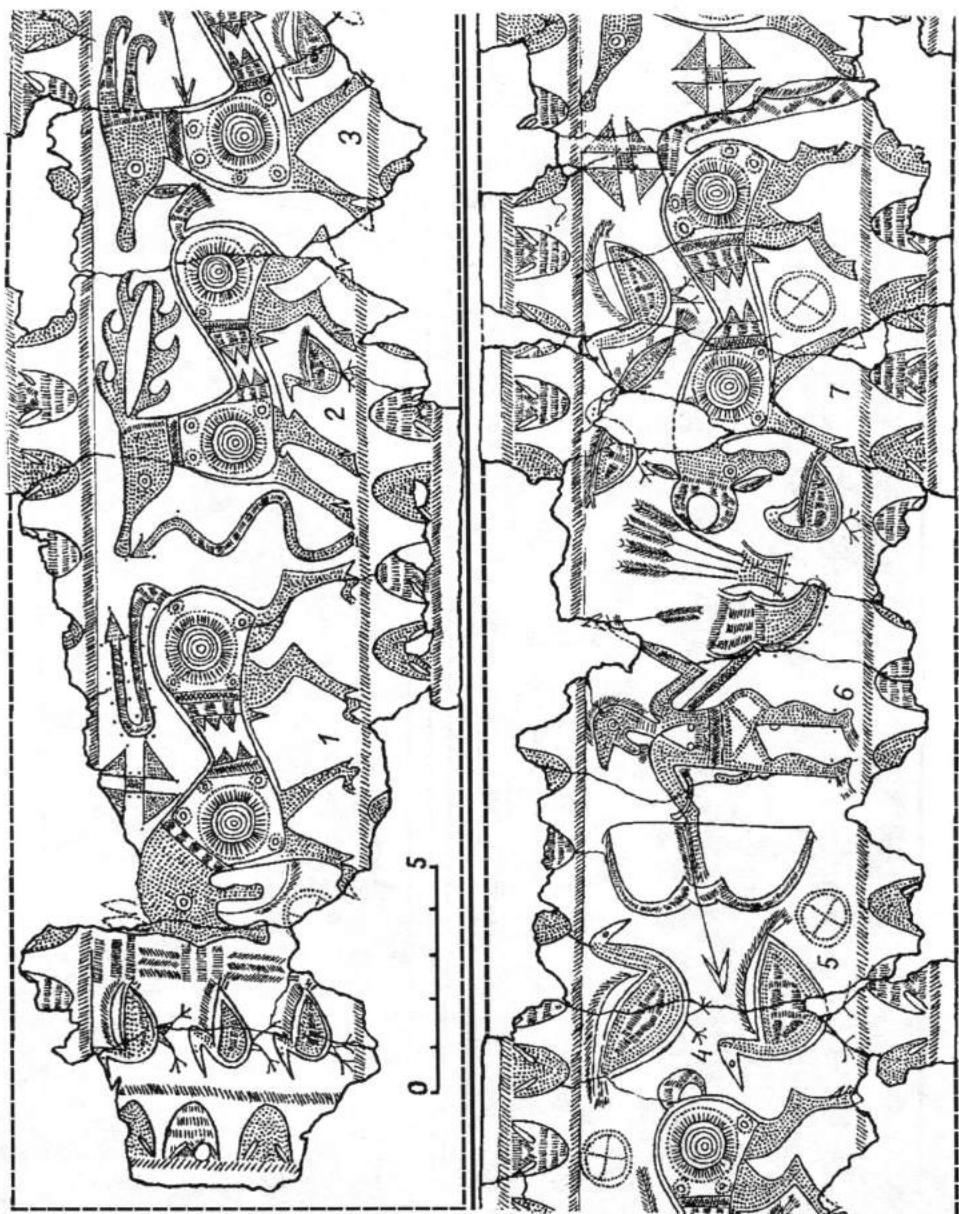

Таблица II

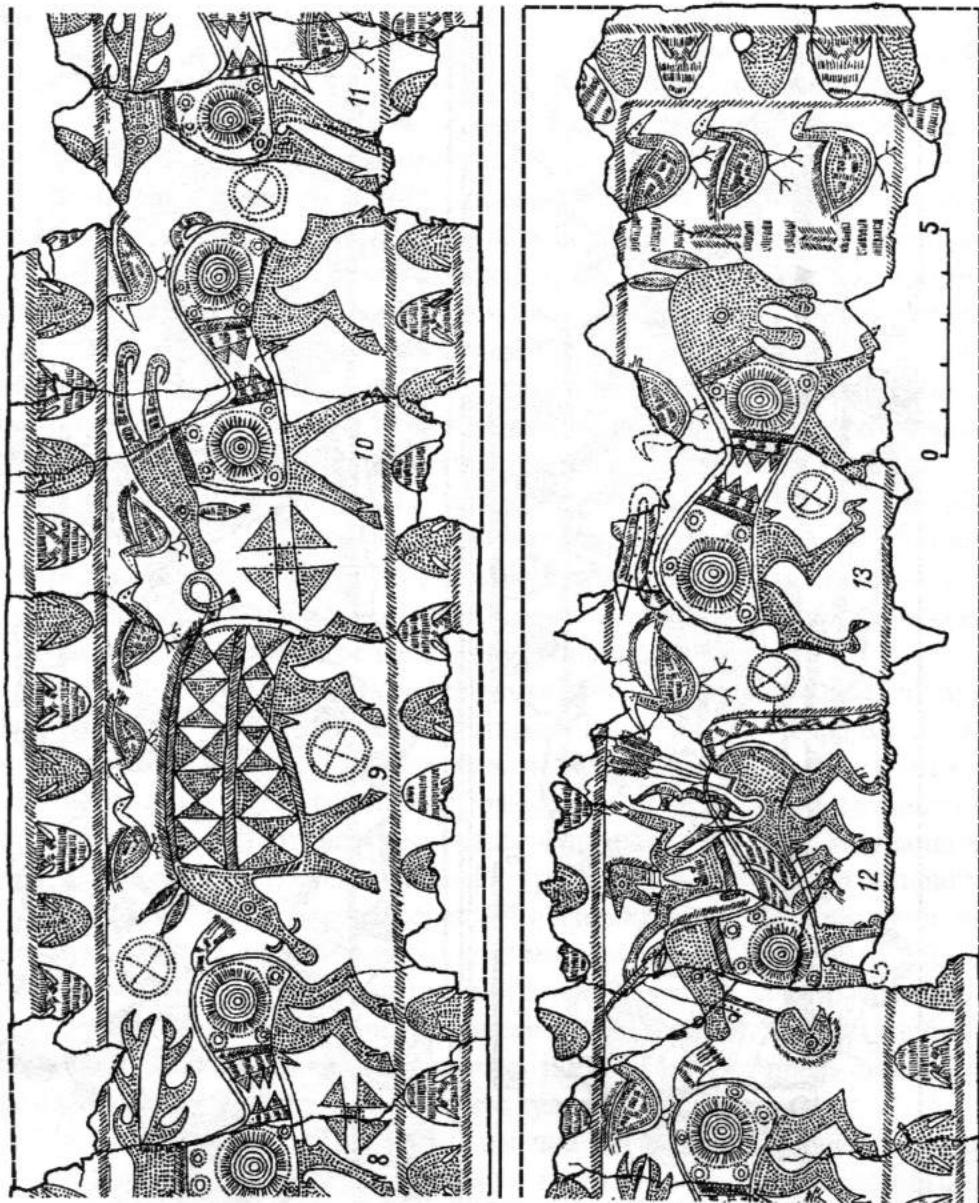

Рис. 1. Изображение всадника с тлийского пояса с увеличением

Рис. 2. Часть бронзового пояса из Астхаблурского могильника (Армения)

Хвост животного завернут в петлю, туловище покрыто ромбами и треугольниками, между которыми прочерчена косо заштрихованная узкая ленточка. Часть орнамента помещена выше этой ленточки, а другая – под ней. Одни из треугольников заполнены штриховкой и соединены острыми навершиями друг с другом. Под туловищем кабана, между его левыми передней и задней ногами, помещен солярный знак, округленный двойными точечными кружочками, а на спине животного поставлены изображения трех птиц, две из которых обращены друг к другу в драчливой позе, третья же направлена в сторону следующего за кабаном животного и дерется с птицей, стоящей на морде козла (табл. II, рис. 9).

За кабаном помещено изображение креста, имеющего одинаковое отношение как к кабану, так и к следующему за ним козлу. Последний повторяет образ и орнаментацию первого козла с той только разницей, что на передней части туловища первой фигуры, помимо главного светила Солнца, имеются пять маленьких светил, расположенных вокруг главного светила, а у второго изображения – четыре. На задней ляжке первого козла с главным светилом изображены три маленьких фигуры светил, в то время как на задней ляжке второго козла размещено пять маленьких светил вокруг главного (табл. II, рис. 10). Кроме того, у первого изображения козла в шею воинилась стрела, а у второго – шея свободна. Между левыми передней и задней ногами, под туловищем первого козла помещено изображение птицы, а у второго – она сидит на крупе. У обоих козьих изображений коротенькие хвосты, с плотно подведенными к туловищу кончиками (табл. I, рис. 3; табл. II, рис. 10).

За фигурой козла следует изображение оленя с двумя птицами (одна под туловищем, между передними и задними ногами, вторая – на крупе) и солярными знаками спереди. Оно повторяет всю конфигурацию предшествующих оленей (табл. II, рис. 11). За изображением оленя помещена фигура всадника. На низкорослом коне сидит сильно схематизированный человек с маленькой бородой и короткими волосами, отмеченными штрихами. Ноги всадника согнуты в коленях и переданы в одной плоскости. Правой рукой воин держит плеть и уздечку. Последняя должна была быть в левой руке, вытянутой к стрелам, помещенным в специальном кармане, прикрепленном к колчану для лука, и поэтому уздечка оказалась в правой руке с плетью. На уздечке коня висит человеческая голова, по-видимому, побежденного врага (табл. II, рис. 12; табл. III, рис. 1). Левой рукой всадник готов вытащить лук из горита, висящего на его плечах, и стрелу из карманчика. Лук относится к экземплярам сложной конструкции и сопоставляется с древнейшими скифскими луками, изображенными в руках у фантастических существ на ножнах мечей из Мельгуновского и

Келермесского курганов. Это характерный лук «скифского» типа в виде сигмы, с асимметричными плечами, перехватом в средней части, где его берут рукой, и загнутыми наружу концами [ЧЕРНЕНКО, 1981, с. 19]. Действительно, лук «скифского» типа отличается по своей форме от луков передней Азии и Древнего Востока, сохранившихся на многих рельефах египетских, ассирийских, урартских царей.

На передней части туловища коня такой же орнамент и подчеркнутый половой признак, что и на всех изображениях животных, а на задней части – помещен горит с луком и специальный карман со стрелами. Это своеобразное отделение для стрел всегда находилось с наружной стороны горита [МЕЛЮКОВА, 1964, с. 32], который использовался для ношения лука. Если внимательно присмотреться к висящему на плече всадника гориту, то нетрудно заметить, что лук помещается в нем почти до середины, а с наружной стороны, на более широкой верхней части, к нему вплотную пририсовано специальное отделение для стрел, наконечниками опущенных вниз. Между изображениями конного воина и мула, направленного направо, изображена птица, а под ней – солярный знак, состоящий из двойных точечных кружочков и креста, помещенного в них. На спине крайнего животного стоит птица, направленная налево. Между левыми передней и задней ногами животного (осла или мула) помещен солярный знак. На передней ляжке этого животного изображен солнечный диск с двумя маленькими светилами, а на задней ляжке – с четырьмя. Ноги у животного с когтистыми окончаниями, хвост длинный, перекинутый над крупом и петлевидно завернутый назад, пасть открытая, с торчащей из нее травой, голова круглая, с двумя листовидными ушами, заполненными елочным узором (табл. II, рис. 13).

Поражает совершенство композиции. Изображения людей, животных и птиц размещены столь искусно, что приходится думать о предварительном нанесении на пояс рисунка, после чего начиналась гравировка по металлу резцом, изготовленным из более твердого, чем бронза, металла. Рисунок выполнен уверенной и твердой рукой большого мастера [КУЗНЕЦОВ, 1974, с. 29]. Нет сомнения в том, что на пояссе художник-гравер передает охотничью сцену. В ту древнюю пору охота была связана с определенным пантеоном антропоморфных божеств, олицетворявших главным образом Солнце, Луну и звезды. На пояссе можно видеть и другую, не менее важную, сцену возвращения из военного похода. Всадник-воин захватил добычу и привесил голову побежденного врага к уздечке коня. В захваченной у врага добыче – бык, козы, ослы, кабан и даже птицы.

Одна из наиболее интересных деталей сюжетной композиции пояса – изображение воина-всадника, появившегося в искусстве саков и скифов вместе с формированием антропоморфных образов богов и героев

[РАЕВСКИЙ, 1983, с. 107]. На закавказских поясах из листовой бронзы изображение воина-всадника с подвешенной к уздечке коня головой побежденного врага почти неизвестно. Следует, однако, отметить, что в Астхабурском могильнике в Армении выявлен гравированный пояс, содержащий изображения лошадей с сидящими на них воинами и без них; это может послужить достаточно близким аналогом. К уздечке каждой лошади, за исключением запряженных в колесницы, подвешена голова побежденного врага, что было принято С.А. Есаяном за кормушки (табл. III, рис. 2). Что касается Центрального Кавказа, то здесь имеется вторая находка, происходящая из Кобанского могильника. П.С. Уварова опубликовала фрагмент бронзового пояса, обнаруженного в одном из кобанских захоронений. На нем имеется изображение точно такой же головы человека, какая подвешена к уздечке коня на Тлийском поясе [УВАРОВА, 1900, с. 37, рис. 41], изображение, невольно заставляющее вспомнить сообщения письменных источников.

Так, обычай подвешивания головы побежденного врага к уздечке коня существовал у скифов. По сообщению Геродота, «головы убитых им в бою врагов скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и минут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает ее к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козы шкуры [ГЕРОДОТ, 1972, сс. 202, 64].

Изображение всадника на бронзовом поясе из комплекса погребения № 76 Тлийского могильника полностью соответствует рассказу Геродота, что является важным археологическим подтверждением письменного источника. Художник-гравер своим трудом создал и оставил такой яркий памятник, о значении которого он не мог и подозревать. Этим изображением он подтверждает, что такие погребальные памятники, как Кобанский и Тлийский могильники, были оставлены племенными группами, входившими в ираноязычную этнокультурную общность и генетически были связаны со скифским этносом, проживавшим на северном и южном склонах Большого Кавказа в первой половине I тысячелетия до н.э.

Не имея письменности, они с помощью гравировки создали бронзовую летопись и тем самым оставили своим потомкам удивительные образцы художественных бронзовых изделий, рассказывающих об этнической принадлежности населения Центрального Кавказа, о его мифолого-религиозных

воззрениях, о высоком мастерстве древних художников-граверов, внесших свою достойную лепту в развитие духовного творчества и миропонимания как собственного, так и соседствующих племен и народностей.

Должен заметить, что местные горцы вовсе не были чужими для ираноязычных скифов и сарматов, наоборот, были генетически едины с ними, составляя одну культурно-историческую общность. Пока соплеменники горцев Центрального Кавказа – скифы-кочевники – не оказались на занятой ими территории, разумеется, у них могло быть свое собственное искусство, которое, в конечном итоге, не отличалось от скифского, хотя с некоторыми отличительными чертами, формировавшимися на почве местной географической среды. В этой связи было бы уместно вспомнить сообщение греческого географа Страбона о том, что горную часть Иберии (южный склон Большого Кавказа, где расположены Тлийский, Стырфазский и другие памятники) населяют многочисленные и воинственные племена, живущие по обычаям и нравам скифов и сарматов, которым они и соседи и родичи [СТРАБОН, 1964, с. 474; БОЛТУНОВА, 1948, с. 149; КАУХЧИШВИЛИ, 1957, с. 128]. Только ираноязычных скифов и сарматов, а позже и аланов, могли называть древнегреческие историки, географы и писатели воинственными, многочисленными племенами, занимавшими пространство от Черного до Каспийского морей, только ираноязычное население южного склона Большого Кавказа, также как и северного, могло жить по обычаям и нравам скифов и сарматов. Анализируя сведения греческого географа Страбона, акад. С.Н. Джанашия отождествляет горцев Иберии с оссами-аланами [ДЖАНАШИА, 1949, с. 184], и если до сих пор сведения Страбона не подтверждались данными археологии, то сегодня материалы Тлийского, Стырфазского, Монастерского, Кобанского могильников, Казбекского клада и других памятников подтверждают это. Выясняется, таким образом, что родичи скифов и сарматов проживали в I тысячелетии до н.э. и позже по обоим склонам Большого Кавказа. Древние авторы хоть и называют их «родичами», но они были с ними одним этносом, создавшим единую материальную и духовную культуру, свой героический эпос, богатое устное творчество. Симптоматично, что не только Страбон и другие иноземные источники находят население Горной Иберии сильно отличающимся от жителей равнинных областей, но и грузинские источники также подсказывают аналогичную картину [МЕЛИКИШВИЛИ, 1959, с. 294]. Об этом же свидетельствуют сказания о Нартах, собранные и записанные в Осетии. Следует отметить, что сказания, записанные на южном склоне Большого Кавказа, не только повторяют, но дополняют и обогащают героический эпос осетинского народа, уходящий своими корнями в глубокую древность, охватывая не

только киммеро-скифо-сарматский мир, но тесно связанный с индоевропейской мифологией и мифотворчеством.

Рассматривая материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа северного и южного склонов центральной части Большого Кавказа, естественно, можно прийти к заключению, что общие верования, общие хозяйственныенавыки, стилистические особенности художественного мастерства проживавшего в этом регионе населения позволяют говорить об общности его происхождения и формирования. Создавая богатую материальную и духовную культуру, оно передавало от поколения к поколению традиции и духовно-творческие достижения, обогащало Древнекавказскую Цивилизацию яркой самобытной культурой, сущность и содержание которой определяется материалами двух выдающихся памятников – Тлийского могильника – на южном и Кобанского – на северном склонах Главного Кавказского хребта.

ЛИТЕРАТУРА:

БОЛТУНОВА. 1948 – БОЛТУНОВА А.И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ.– 1948.– № 4.

ВАЙМАН, 1996 – ВАЙМАН А.А. Обозначения созвездий на кавказских бронзовых поясах эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Йессена.– Санкт-Петербург, 1996.

ГЕРОДОТ, 1972 – ГЕРОДОТ. История в девяти книгах. – Л., 1972.

ДЖАНАШИА, 1949 – ДЖАНАШИА С.Н. Труды. Том I.– Тбилиси, 1949.

ДУДАРЕВ, 1989 – ДУДАРЕВ С.Л. К этнической интерпретации антропоморфных изображений на бронзовых поясах из погребений № 74 и № 76 Тлийского могильника // Тезисы докладов на областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Грекова.– Симферополь, 1989.

КАУХЧИШВИЛИ, 1957 – КАУХЧИШВИЛИ Т.С. География Страбона (сведения о Грузии).– Тбилиси, 1957.

КУЗНЕЦОВ, 1974 – КУЗНЕЦОВ В.А. Путешествие в Древний Иристон.– М., 1974.

МЕЛИКИШВИЛИ, 1959 – МЕЛИКИШВИЛИ Г.А. К истории Древней Грузии.– Тбилиси, 1959.

МЕЛЮКОВА, 1964 – МЕЛЮКОВА А.И. Вооружение скифов // САИ, Д 1-4.– М., 1964.

ПОГРЕБОВА, РАЕВСКИЙ, 1997 – ПОГРЕБОВА М.Н., РАЕВСКИЙ Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. – М., 1997.

РАЕВСКИЙ, 1985 – РАЕВСКИЙ Д.С. Модель мира скифской культуры.– М., 1985.

СТРАБОН, 1964 – СТРАБОН. География в 17 книгах.– М., 1964.

ТЕХОВ, 1961 – ТЕХОВ Б.В. Об одном погребальном комплексе из с. Тли // СА.– 1961. № 1.

ТЕХОВ, 1964 – ТЕХОВ Б.В. Бронзовые пояса Центрального Кавказа //Известия ЮОНИИ.– 1964. Вып. XIII.

ТЕХОВ, 1971 – ТЕХОВ Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии.– Тбилиси, 1971.

ТЕХОВ 1977 – ТЕХОВ Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. – М., 1977.

ТЕХОВ, 1999 – ТЕХОВ Б.В. Кобано-тлийская археологическая культура //Донская археология. – Ростов-на-Дону, 1999. № 3-4.

ТЕХОВ, 2001 – ТЕХОВ Б.В. Кобано-тлийское графическое искусство (по бронзовым поясам из Тли). – Владикавказ-Цхинвал, 2001.

УВАРОВА, 1900 – УВАРОВА П.С. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII.– М., 1900.

УРУШАДЗЕ, 1984 – УРУШАДЗЕ Н.Е. Бронзовая летопись Древней Грузии.– Тбилиси, 1984.

ХИДАШЕЛИ, 1982 – ХИДАШЕЛИ М.Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. –Тбилиси, 1982.

ЧЕРНЕНКО, 1981 – ЧЕРНЕНКО Е.В. Скифские лучники. – Киев, 1981.

ЧЕТИТЫ, 1989 – ЧЕТИТЫ Р.Д. Народные истоки осетинского театра. – Цхинвал, 1989.

B. V. THEHOV

ABOUT ARCHAEOLOGICAL CONFIRMATION OF ONE OF THE HERODOTUS' EVIDENCE ON A BRONZE BELT FROM TLI

SUMMARY

In 1960 while researching the Tli burial in a southern part of Ossetia in one of the ancient burial places (burial 76) with two human skeletons, the belt from sheet bronze (length 104 sm and width 10 sm), containing various scenes is revealed.. The scene of rider, to a bridle of which horse the head of the defeated enemy is hung – custom marked by Herodotus among Scythians is well seen there.

During a military campaign every Scythian warrior was obliged to bring the heads of the defeated enemies to his king because according to he could receive his share from the seized booty. The Tli burial completely corresponds to this information of Herodotus and testifies that the iranian Scythian tribes lived in this region in the first half of the I millennium B.C. The artist has placed among other scenes a bright element indicating the belonging of the population of Large Liahva region to Iranian people. This scene is an unique archaeological confirmation of the written sources of the antic author, and more strengthens its importance for an ancient history of the population of the Central Caucasus of the end of the II and the first half of the I millennium B.C.